

ДВЕ ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ: НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

А. Д. Серова

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация: в статье проведён сопоставительный анализ творчества поэтов-современников – Николая Рубцова и Ларисы Васильевой, которое рождалось в недрах «тихой лирики». Найдены точки соприкосновения двух творческих судеб, нашедшие отражение в лирике этих авторов. Представлен и их «перекрёстный» стихотворный диалог.

Ключевые слова: Лариса Васильева, Николай Рубцов, «тихая лирика», творческие судьбы, стихотворный диалог.

Abstract: the article deals with the comparative analysis of poetry by Nikolay Rubzov and Larisa Vasilieva, both of which belong to the genre of «quite lyric poetry». The author of the article finds several points of coincidence that can be viewed in poems both by Rubzov and by Vasilievs and that make these two names really close.

Keywords: Larisa Vasilieva, Nikolay Rubzov, «quite lyric poetry», destiny, poetic dialogue

Человеческая жизнь – всего лишь миг в потоке вечности. И эта жизнь – связующее звено между прошлым и будущим. Время нитью за нитью вплетает новые судьбы в общее полотно истории. Так однажды пересеклись две творческие судьбы – Николай Рубцов и Лариса Васильева – две души, настроенные на одну лирическую волну, два разных голоса, в звучании которых так много однозвучных нот. Творчество двух поэтов рождалось в недрах «тихой лирики», в период борьбы двух тенденций в общественной жизни России: «ускоренное разрушение, обвал сложившихся основ жизни» и наметившийся «период стабилизации, возвращения к истокам духовной жизни народа» [1, 14–16]. «Тихая лирика» отличалась медитативностью, возвратом к народной старине, близостью с природой, слиянием с нею.

«Для Н. Рубцова, – замечает В. М. Акаткин, – поэзия несовместима с железным веком, она рождается в тиши, в уединении, в далёкой древности, закрытой «дымными веками» (творчество поэта опровергает его собственные декларации)» [2, 295]. Если посчитать, где и сколько жил Рубцов, то получится, что в деревне в общей сложности поэт провел не более десяти лет, считая и детдомовские годы. Три года прожиты в Ленинграде, два – в Москве, пять – в Вологде. Всего на большие города падает десять лет. Плюс пять лет службы на флоте и работы на тральщике. Оставшиеся двенадцать лет – самый долгий срок – пришлось на небольшие города и поселки. Но и в городах память возвращала Н. Рубцова к бескрайним просторам Родины. По мысли поэта, и человеку города для полноты бытия необходима жи-

вая трепетная связь с миром – с природой, со всем «простором – небесным и земным».

Феномен «тихой» лирики Л. Васильевой в том, что она не родилась в деревенской глубинке под пение соловья и цветение черёмух, но, выросши в сутолоке большого города, вырывается к природному началу. Её строки выводят к «белой пряди слепящей воды», цветущей посреди зимы яблоне, молчанию церковей, к «густому молоку небес», «памяти матери, леса, травы». Эта поэзия удивительно лирична. В своих творческих поисках поэтесса ориентируется как на многовековую народную традицию, так и на обширное наследие русских классиков. Народная традиция в её лирике живёт не в «стилизаторском» смысле, а в мироощущении, в способе мышления.

То же самое можно сказать о Н. Рубцове. Рубцов, по справедливому замечанию С. Куняева почти сорокалетней давности, «истинно народный лирик с такой концентрацией лиризма, от которой за последние полтора-два десятилетия наша поэзия уже успела как-то отвыкнуть». Эту оценку поэта и критика можно повторить и сегодня. Куняев вспоминал признание самого Рубцова: «Стихи не лирические!» — это было самым суровым приговором. «Не лирическое для него означало — не живое, безличное, не свое, лживое, не поэтическое... Да и, в конечном счете, смысл его появления в русской поэзии сводится, наверное, к напоминанию о том, что лиризм как понятие, противоположное театральности, не покинул ее и никогда не покинет» [3, 192–193].

Отношения между Рубцовым и Васильевой были необыкновенно трогательные, по-человечески тёплые и поэтически возвышенные. О вологодском соловье поэтесса узнала задолго до личной встречи,

и ей казалось, что он был всегда. Васильева вспоминает встречу около Дома литераторов, где собралась толпа за билетами на заграничный фильм. Эту встречу с Рубцовым она позже подробно описала в книге «Облако огня» (глава «Как может ветер за себя постоять»):

«– Меня не пускают в Дом литераторов. Проведи.

– Почему не пускают? Ты пьян?

– Ничего подобного! – ондохнул. Запаха спиртного не было.

– Почему не пускают?

– Не знаю. Пропуска нет. Несолидный, наверно.

Какой уж там солидный. Маленький, щупленький, рано облысевший, весь съезженный, как будто от холода, хотя вечер летний, теплый.

Провела.

– А теперь до свидания, – он повернул в сторону.

– Куда ты, посидим вместе.

– Нет уж, ты такая здоровенная девка, а я от горшка два вершка.

– Чушь. Я хочу с тобой поговорить.

– И я хочу. Дай свой телефон.

– Потеряешь.

– Ты дай. Не потеряю» [4, 156].

Рубцов звонил Васильевой часто, и они долго разговаривали. О литературе, о том, кто нравится, не нравится, о новых написанных строчках. Позже Куняев спрашивал с удивлением, неужели Васильева – та самая Лариса, с которой Рубцов, сбежав от большой компании, часами говорил по телефону: «В голосе Куняева звучало разочарование: загадочная Лариса оказалась всего-навсего мной. Могу его понять. Но сомневаюсь, что была другая Лариса. Впрочем, была. В ранней юности. У Николая стихотворение есть про Ларису, приходившую к нему в каптерку. Никакой связи» [5, 150]. Много лет спустя библиофил Сергей Тихомиров, читая записную книжку Рубцова, нашёл в ней запись: «АД 1-70-71 Лариса Васильева». Это действительно номер телефона Васильевой, по которому ей звонил поэт. Почему именно телефонный разговор стал любимым способом общения? На этот вопрос сама поэтесса отвечает так: «Теперь, кажется, понимаю, почему он так любил говорить по телефону. По ту сторону трубки он был высок, силен, уверен в себе, раскован, смел. Со мной говорил очень яркий человек, не смущающийся никакими своими физическими несовершенствами, умный, меткий, чрезвычайно наблюдательный. Его характеристики были резки, жестки и весьма точны» [4, 156–157].

В подтверждения этих выводов Васильева вспоминает случайную встречу на площади Пушкина, на повороте с Тверского бульвара у старого дома, ныне снесенного, где было «Молочное кафе». Разговор лицо к лицу, без телефона, не шёл:

«– Из всех пишущих женщин я предпочитаю тебя», – сказал он мне с явным сознанием, что гово-

рит нечто совершенно мне необходимое. Я была польщена.

– А я из всех пишущих мужчин – тебя. – Оба засмеялись.

– Нет, лучше по телефону», – сказал Рубцов и пошел прочь...» [4, 157]. По телефону звонил высокий, красивый, сильный Николай Рубцов. Эти телефонные разговоры были призраками того поэта, которого никто не знал.

В 1969 году Васильева издала второй сборник стихотворений «Огневица». На одной ее странице было стихотворение «Полдень»:

Окно раскрыто в завтра. На ступенях

крыльца сидит Никулушка Рубцов.

Стакан зажат в руке, а на коленях

Обертки от зеленых леденцов.

Он встал, пошел – чужой судьбе вдогонку

иль собственной судьбе наперерез,

глазами провожая пятитонку,

встречая взором поредель лес.

Хоть в нем еще вчера не отпылало,

но завтра тихо брезжило уже;

и все, что я ему не рассказала,

теснясь, в моей туманилось душе;

и жгуче, будто от разлуки с братом,

волнение наплывало на глаза.

Асфальт чинили. Вперемежку с матом

звучал напев. Скрипели тормоза [4, 158].

После прочтения сборника Рубцов позвонил Васильевой из Вологды:

« – Почему ты называешь меня Никулушкой?

– Не знаю. Так получилось. Не нравится?

– Нравится. Приятно. Как княжича из "Войны и мира".

– Там Николенька. А само стихотворение как?

<...> Спрашиваю и жду восторженного отзыва, сердце, кажется, не бьется, как будто вопрос всей жизни решается. <...>

– Не знаю... Грустно очень. Отпеваешь меня?

– Чепуха. Само стихотворение – как? Хорошее или плохое?

– Так ведь оно обо мне – что в нем может быть хорошего.

Хохочу, кладу трубку. Нет, все-таки Николай – прелесть, умница, вот уж в самом деле природный ум и такт. Откуда что берется? Откуда? Да все оттуда же, из северного родника жизни...» [4, 158–159].

Последняя встреча поэтов, случайная, на улице, произошла месяца за два до гибели Рубцова:

« – Мне плохо жить, – я помню эти слова, как будто они сказаны были минуту назад. – Мне плохо жить. Возьми меня в свою семью, к ребенку и мужу. Я буду тихий. Попишем вместе. Ты в одном углу, я в другом.

Я ответила как-то неуверенно, и он свернул разговор. А я по сей день чувствую себя виноватой: если тогда взяла бы его в свою семью?..» [4, 159].

Тонкое лирическое взаимопонимание двух поэтов оставило след в творчестве Л. Васильевой. В 1980 выходит её сборник стихов «Русские имена», в котором помещено стихотворение «Виденье на холме». Отсылка к Рубцову прозрачна. О видениях на холмах задолго до написания Рубцов и Васильева разговаривали по телефону. Эти разговоры затем у Рубцова сложились в строки, и он предложил поэте написать своё «видение». Прошло время, в 1976 году Глеб Горбовский рассказал Васильевой, что когда-то и у них с Рубцовым был уговор написать стихи на тему «Видения на холмах». Горбовский написал в 1974 году, уже после смерти Рубцова. Мысль об этом вновь ожила в сознании Васильевой, и вскоре родились третьи видения. Буриме сквозь время.

Центральной темой произведений Васильевой и Рубцова стала тема памяти. Общеизвестен афоризм: «Народ, лишенный исторической памяти, превращается в пыль, которую носит ветер времени». Связь времён необходима для осознания человеком себя в мире и пространстве. Чувство времени – смыслообразующее начало рубцовской лирики. «Видения на холме» – программное произведение поэта, в котором отразилась основа его лирического мироощущения.

Взбегу на холм
и упаду
в траву.

И древностью повеет вдруг из дола!.. [6, 5]

С первых строк задаётся вертикаль: холм как приближение к небу и дол – возвращение к земле, с высоты современности – в глубь истории, в глубь России. Это подчёркивается и графически, разбивкой строки – явление редкое для Рубцова. Небо и земля образуют неразрывное единство, взор переходит от «вереницы птиц» к лесам, погостам, избушке, цветам, «шёпоту ив у омутной воды» и вновь молитвой устремляется в «небеса, горящие от зноя». «Пустынный свет на звёздных берегах / И вереницы птиц твоих, Россия» [6, 5], – простое и искреннее, идущее из глубины горячего сердца сыновье признание в любви, которое одерживает победу над «тупым башмаком скуластого Батыя». Исследователи творчества Рубцова видят в этом стихотворении пророчество [7, 81]: «Иных времён татары и монголы» – не только кровавые страницы истории, но и страшное предвидение будущих врагов России. Самое главное, что эти видения, небо в крестах, «лес крестов в окрестностях России» растворяются и сменяются мирными картинами:

И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье... [6, 6]

Взор снова обращается к небу:

И надо мной –
бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье... [6, 6]
Вертикаль «земля-небо» присутствует и в «Видениях на холме» Васильевой:

Почуяла Земля бессмертный голос Неба,
летающий сквозь века единственный ответ
на все вопросы дня от Бога и до Хлеба,
на всё, чему меж нас ещё ответа нет [5, 185].

Земля – Небо, Бог как символ неба – Хлеб как символ земли. Эти антитезные понятия поэта выделяет графически – заглавной буквой. Графически разбита и первая строка – схожий с рубцовским приём:

Из мира тишины.

Такого нет.

И всё же

из мира тишины, приснившегося мне [5, 185].

Из мира тишины, из глубины веков выплывают видения, звуки. Наделяя «нездешний звук» сравнениями, поэтесса использует небесную атрибутику: вой ветра, посвист соловья, журавлиный крик. И это всё сливается в один голос – «бессмертный голос Неба», единственный, который сквозь века может дать ответы на все вопросы. Задача человека – услышать этот голос. Но люди, дети земли, «выводок цыплят, не верящий в яйцо», в ответ получают тишину. Их вопросы бескрылы и падают обратно на головы вопрошающих. Далее Васильева рисует страшные картины разрушений, смертей, карающих гроз, ударов молний, подтверждая мысль митрополита Макария о том, что «общество людей без веры в Бога и бессмертия души, – это почти стадо диких зверей, хотя и одаренных разумом, которые всегда готовы терзать и истреблять друг друга» [8]. Среди этого ужаса лишь один, истинный вопрос достигает неба – «бессущный и бесплотный, / безумный вздох души о тайне и мечте». Его полёт невысок, но это полёт. Вопрос крылат, однако он не нужен людям, ответа на него они не ищут. Умы тревожит «необъяснимость дня», толпа, занятая своими заботами, не слышит «нездешний звук», который поёт птенцом.

«...всякий Там пожнёт лишь то, что здесь посеял...» [5, 186], – это уверенность в бессмертии души. Однако «враждующих племён бессмысленные дети», занятые заботами о телесном и земном, не дают душе досуга на попечение о небесном и вечном. Как и «Видения ...» Рубцова, «Видение...» Васильевой завершается мирными картинами, возвратом к той тишине, откуда пришёл «нездешний звук»:

И был закат багров. И отражали воды
тончайшие черты склонившихся ветвей,
и белый небосвод – лицо самой свободы,
неведомое нам в потоке шумных дней [6, 186].

Ответ на вопрос о тайном близко, стоит только обратить взгляд к небосводу и приподняться над суетой шумных дней.

В 1969 году увидело свет стихотворение Васильевой «Да не всё ль равно, кого...»:

Да не всё ль равно, кого
полюбить,
жизнь для блага своего
погубить.

Проходимец? Ерунда,
поборюсь.
Властолюбец? Не беда,
покорюсь.

Сумасшедший? Да и я
не в уме:
Вечно слышу соловья
по зиме [9,58].

Об этом стихотворении Рубцов говорил, что оно ему необходимо. На вопрос, о ком оно, поэтесса не ответила, только сразу разуверила Рубцова: не о нём – не подходит под определения. Но призналась, что ощущает вологодского поэта поющим соловьём («Да. Ещё какой!») [5, 156]. В изданный в 1973 году сборник «Одна земля – одна любовь», Васильева включила цикл стихотворений «Соловей», состоявший из пяти частей и посвящённый памяти Николая Рубцова: 1. «То было время золотое...», 2. «Деревенька на пригорке...», 3. «Я древними ветрами вею...», 4. «Его протянутые руки...», 5. «В кафе». Цикл впоследствии редактировался. В сборнике избранных произведений 1981 года он состоит из четырёх стихотворений, а в 2001 был сокращён до трёх.

Особый интерес представляет пятая часть цикла «Соловушка» – «В кафе», которая не публиковалась в поздних редакциях. В ней Рубцов предстаёт творцом, которому открыт таинственный, неведомый мир, «мир отчаяний прекрасных / неразумно в нём живёт». [8, 155]. Герой слышит иные голоса, «проливные, неземные, / как весенняя гроза».

Отредактированы некоторые строки стихотворений. Так, во второй части цикла – «Деревенька на пригорке...» отредактирован финал:

И ещё одна примета
бывшей радости твоей:
навсегда отпевший лето
мёртвый, серый соловей.
1973 [10, 153]

И ещё одна примета
бывшей радости твоей:
навсегда отпевший лето,
замолчавший соловей.
1981 [11, 276]

Определение «замолчавший» представляется более удачным, тогда как мёртвый означает постоянный признак, застывший, не имеющий надежды

на воскрешение. Рубцов же – соловей, замолчавший лишь на мгновение, чтобы перевести дыхание и вновь залиться соловьиной песней уже после смерти физической, подтверждая васильевские строки:
и терпких ягод жгучий цвет
так ослепительно алеет,
как будто вправду – смерти нет [11, 275].

Образы упавшей звезды, жгучей рябины, деревеньки на пригорке, зеркала-озерка, одинокой сосны, молока поднебесья – эти штрихи складываются в деревенский пейзаж, который служит фоном для главного образа – замолчавшего соловья. У Васильевой, как и у Рубцова, практически отсутствует пейзаж как таковой, природа в стихах не является единственным объектом изображения. Их стихи воплощают то философское единство человека и природы, когда «природа даёт самочувствие вечной жизни, определяя нравственную меру вещей и явлений» [12, 145].

Значительной редакции подверглась вторая часть цикла – «Я древними ветрами вею...»:

Друзья и горюют, и славят
высокую долю певца,
и памятник даже поставят
с улыбкой большого лица.
И будь он сто крат непохожим,
но я бы к нему подошла
затем, чтоб услышать:
– А всё же,
зачем ты меня не спасла?!
1973 [10, 154]

Друзья запоздалые славят
рискованный твой неуют,
с годами фигуру поставят,
из бронзы, поди, отольют.
Она вряд ли будет похожа,
но я бы и к ней подошла,
затем, чтоб услышать: – А всё же,
зачем ты меня не спасла?
1981 [11, 277]

В поздней редакции стихотворения появляются образы «запоздалых друзей» и «рискованного неуют», что выразительно и точно характеризуют судьбу Рубцова. А повторяющийся вопрос «...зачем ты меня не спасла?» без дополнительной экспрессивной окраски приобретает спокойную, вкрадчивую настойчивость и обречённость. На этот вопрос теперь нет и не будет ответа.

Несмотря на то, что «ребёнок эпохи / был с первого дня обречён», он преодолевает смерть силой песни:

Его протянутые руки
сквозь гроб ветвями проросли.
И листья спели песню муки
и откровения земли,

где он узнал закон покоя
и темноты особый свет,
где он сумел постичь такое,
чему и слов достойных нет... [10, 154]
Это то состояние, о котором писал Лермонтов:
«Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дре-
мали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо
грудь...» [13, 223]. Здесь смерть – это только порог,
за которым продолжение жизни. Душа не умирает,
а только засыпает и во сне постигает то неведомое,
те откровения, которые нельзя увидеть наяву.
Становится возможным общение с вселенной:
«...а он неведомой вселенной / уже свои поверил
сны» [10, 155].

В стихотворении «Я древними ветрами вею...»,
как и в стихотворении «Полдень», Васильева на-
зывает Николая Рубцова Николушкой. Выбор имен-
но этой формы имени говорит об отношении авто-
ра к своему герою. В суффиксе -ушк- ощущается
чувство жалости, сочувствия, сострадания. Наличие
в русском фольклоре слов, называющих абстракт-
ные экзистенциальные понятия – горюшка,
смертушка, думушка, долюшка – обусловлено этим
чувством.

«Николушка, смертью твоею / поранена я на-
всегда» [11, 276], – Николай Рубцов оставил яркий
след в жизни и творчестве Ларисы Васильевой. В их
творчестве много параллелей и перекличек. Васи-
льева признаётся: «Есть у меня и другие строки, где
он виден Оттуда <...> Кто захочет, почитает, поймёт»
[5, 166]. Лирическая душа Рубцова – хрустальный
сосуд, вместивший в себя небо и землю, прошлое,
настоящее и будущее, память и вечность. Судьбы
двух поэтов, соприкоснувшись, представили миру
уникальное по силе лирического мироощущения
явление.

*Тамбовский государственный университет имени
Г. Р. Державина
Серова А. Д., аспирант кафедры русской филологии
и журналистики
E-mail: Anastasiya_1036@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Фионов А. П. Человек и мир в русской поэзии «традиционной школы» (60-70-е годы XX века): автореферат дис. ... канд. филол. наук / А.П. Фионов. – Воронеж, 1998. – 16 с.
2. Акаткин В. М. Поэзии. Слово. Культура... Статьи. Эссе. Рецензии / В. М. Акаткин. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – 625 с.
3. Куняев С. Ю. Свободная стихия / С. Ю. Куняев. – М.: Современник, 1979. – 320 с.
4. Васильева Л. Н. Облако огня / Л. Н. Васильева. – М.: Современник, 1988. – 303 с.
5. Васильева Л. Н. Путешествия друзей с врагами: Зависимые записки / Л. Н. Васильева. – М.: Бослен, 2015. – 336 с.
6. Рубцов Н. М. Тихая моя родина: Стихотворения / Н. М. Рубцов. – М.: Эксмо, 2009. – 368 с.
7. Тимашова Л. В. Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Николая Рубцова: дис. ... канд. филол. наук. / Л. В. Тимашова. – М., 2004. – 211 с.
8. Азбука спасения. Режим доступа: <http://azbukaspaseniya.com/biblioteka/dushi-bessmertie.html>
9. Васильева Л. Н. Стихотворения / Л. Н. Васильева. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
10. Васильева Л. Н. Одна земля – одна любовь / Л. Н. Васильева. – М.: Современник, 1973. – 207 с.
11. Васильева Л. Н. Избранное: Стихотворения и поэмы / Л. Н. Васильева. – М.: Художественная литература, 1981. – 463 с.
12. Ланщиков А. П. Поэт и природа (памяти Н. Рубцова) / А. П. Ланщиков // Ланщиков А. П. Многообразие искусства. – М.: Московский рабочий, 1974. – 192 с.
13. Лермонтов М. Ю. Выхожу один я на дорогу... / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т.1. – 720 с.

*Tambov state University named after G. R. Derzhavin
Serova A. D., Post-graduate Student of the Russian Philology
and Journalism Department
E-mail: Anastasiya_1036@mail.ru*